

Учет национального права в рамках применения материально-правовых стандартов обращения с иностранными инвестициями

Научный руководитель – Асосков Антон Владимирович

Николаева Злата Евгеньевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: nikolazl1755@gmail.com

Решение инвестора, связанное с выбором юрисдикции, зависит не только от конкурентоспособности корпоративного права, конструктивного применения судами законодательства, но и учета суверенной волей государств международных стандартов обращения с иностранными инвестициями. Цель настоящего исследования заключается в определении существующих пределов национального права в рамках применения материально-правовых стандартов обращения с иностранными инвестициями. Кроме того, выводы настоящего исследования представляются актуальными для Российской Федерации, поскольку инкорпорация вышеизложенных стандартов в национальное право позволит создать привлекательные условия для инвесторов с целью успешного стимулирования национальной экономики.

Прежде чем обратиться к детальному анализу практики, примем во внимание отсутствие в международном инвестиционном праве единого свода материально-правовых стандартов, к которым в различных соглашениях и конвенциях относятся: 1) минимальный стандарт обращения, 2) стандарт справедливого и равноправного обращения, 3) режим полной защиты и безопасности, 4) режим наибольшего благоприятствования и другие [3].

Рассмотрим содержание и исторические предпосылки формирования режимов защиты иностранных капиталовложений, появившихся в обороте в качестве обычных норм международного права [1]. В 1796 г. вице-президент США Джон Адамс в Комментариях 1778 г. указывал на необходимость наделения суверена всеми доступными средствами для защиты собственности иностранцев, пребывающих под юрисдикцией страны, находящейся в дружественных отношениях со страной их происхождения [5]. Только в конце XIX в. в «Международном праве: теории и практики Европы и Америки» 1868 г. К. Кальво был утвержден национальный стандарт (абсолютное равенство резидентов и нерезидентов перед законом) и возможность государства ограничивать уровень защиты иностранной собственности, если одновременно с этим ограничивается уровень защиты собственности резидентов [6]. Таким образом, постепенно режим иностранных капиталовложений переходил из международно-правовой перспективы в национально-правовую.

XX век знаменует кристаллизацию материально-правовых стандартов обращения с иностранными инвестициями: действие «Формулы Халла», закрепленной в многих международных договорах [4], проявляется в возможности экспроприации имущества иностранных лиц при условии выплаты «незамедлительной, адекватной и эффективной компенсации» [1,7]. Одновременно в Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г. закреплено право государств «регулировать и контролировать иностранные инвестиции в пределах действия своей национальной юрисдикции согласно своим законам и постановлениям и в соответствии со своими национальными целями и первоочередными задачами».

Применение материально-правовых стандартов в практике международных судов и арбитражей не является унифицированным, поскольку зависит от определения стандартов

в конкретных международных договорах и действующих ДИДах, а также от различного понимания механизмов действия стандартов в спорах. Стороны все чаще ссылаются на эволюционное развитие материально-правовых стандартов [9]. С одной стороны, практика Постоянной палаты третейского суда понимает минимальный стандарт обращения (MST) в широком смысле: MST включает в себя справедливое и равноправное обращение, а также полную защиту и безопасность [9,10]. С другой стороны, стандарт справедливого и равноправного обращения (FET) отдельно закреплен в различных ДИДах, например, между Россией и Правительством Государства Катар от 2007. Из указанных примеров можно сделать вывод о размытии границ между содержанием стандартов обращения.

Общий подход государств демонстрирует наличие типовых ДИДов, форма которых обеспечивает предсказуемый результат их толкования, а в случае возникновения неопределенности стороны могут по-прежнему обращаться к ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (договор должен трактоваться добросовестно, в соответствии с целью и предметом договора) [8].

Несмотря на существующие ДИДы с обязательством сторон поощрять и создавать благоприятные условия для инвестиций, большинство государств неохотно предоставляют неограниченное право их осуществления на своих территориях, поэтому за государствами остается право определения отрасли и сферы деятельности, в которых ограничивается деятельность иностранных инвесторов. Так, Россия ограничивает участие инвесторов в сфере энергетики, страхового бизнеса и банковского дела, таким образом, положения материально-правовых стандартов в указанных отраслях не действуют.

Не все существующие стандарты требуют закрепления в законодательстве принимающей стороны: справедливый и равноправный режим встречается и в публичном международном праве и закреплен на уровне ст.1 Конвенции ОЭСР 1960 г.

Практика показывает стремление национальных режимов обезопасить себя от расширительного толкования существующих материально-правовых стандартов, часть из которых существенно ограничивает суверенитет государства. Необходимость включения положений стандартов в соглашения и их признания национальным правом остается бесспорной, поскольку обеспечивает возможность формирования благоприятного инвестиционного климата, создание конкурентных условий для местных и зарубежных инвесторов [2].

Источники и литература

- 1) Боргояков А.С. Стандарты "справедливого режима" и "безопасности" иностранных инвестиций в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2018.
- 2) Международное частное право. Учебник / Под ред. Марышевой Н.И. 5-е изд. М.: Юрайт, 2018. С. 89-95.
- 3) Рачков И.В. Тенденции развития международного инвестиционного арбитража: вопросы по существу споров // Международное правосудие. 2019. №1 (29). С. 93-97.
- 4) п.д ст. 13 Договора к энергетической хартии. Лиссабон.17.12.1994.
- 5) В. Moore. A Digest of International Law. U.S. Government Printing Office, 1906. – Vol. 4. P. 5.
- 6) С. Calvo, Derecho Internacional Teórico y Práctico de Europa y América. A. Durand et Pedone - Lauriel, 1868. 1093 pp.
- 7) A.F. Lowenfeld. International Economic Law. Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 475 - 481.
- 8) Dolzer C. Schreuer . Principles of International Investment Law. P. 132.

- 9) PCA. Mesa Power Group LLC v Government of Canada. Case № 2012-17 p. 485–489, 501-505.
- 10) ICSID. Waste Management v United Mexican States (II). Case №ARB(AF)/00/3 p 98–99.
- 11) Global Telecom Holding v Canada, ICSID, Award27.03.2020 p 484, 485, 486.